

Борис Егоров

Рыбка, где твоя улыбка?

Исповедь раздолбая - 3

Борис Егоров
Рыбка, где твоя улыбка?
Исповедь раздолбая – 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21432440

ISBN 9785448323935

Аннотация

Эта книга – завершение уже опубликованных двух книг «Исповедь раздолбая». Разговор в них идет о том, что никогда не поздно остановиться и оглянуться.

Содержание

Были когда-то и мы покемонами...	5
Расплата за дурацкий смех	5
Собачья радость	8
«У любви, как у пташки крылья...»	11
Крабы как сексуальные партнеры	14
Как я был дедом Щукарем	18
Одно слово – кино...	21
Ремень как средство формирования личности	25
Куда упало яблоко от яблони	28
Служба в армии, или пивной кружкой по башке	31
Убивал бы я всех беременных...	34
Жених, как неисправимая личность	37
Вот такое я хамло...	40
Быть единственной женщиной	43
Императрица избрала меня	46
Оскорбил женщину – жди синяк под глазом	49
«АН-2» – это вам не хухры-мухры	53
Обознатушки-перепрятушки	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Рыбка, где твоя улыбка?
Исповедь раздолбая – 3
Борис Егоров

© Борис Егоров, 2016

ISBN 978-5-4483-2393-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Были когда-то и мы покемонами...

Расплата за дурацкий смех

Учился я где-то в классе четвертом. И что-то случилось с нашим холодильником «ЗИЛ». Начал барахлить. И папаня, будучи, как обычно дома – в благорастворении, полез его чинить. Не выключив, как я теперь понимаю, из сети. Я сидел на табуретке рядом и слушал батины объяснения: «Нормальный мужик должен все уметь! Это же стыдоба – вызывать сантехника, если кран подтекает, или толчок засорился. Так же и все аппараты, которые в доме – тоже надо самому все чинить. Ну... разве только что в телевизор не стоит лазить. Там другая соображалка нужна. Понял, Пилсудский?» (До сих пор не знаю, почему меня отец так называл иногда.)

Я послушно кивнул головой. Меня, честно сказать, судьба холодильника не особо волновала. Я изображал свою заинтересованность в надежде выпросить у отца копеек пятьдесят – на шикарную жизнь. Типа, квас, мороженое... два мороженого.

А батя продолжал лекцию: «Здесь особого ума не надо. Главное – аккуратность и осторожность...» Вдруг папаня дернулся, отпрыгнул от холодильника, и начал материться.

Потом схватил шнур, который шел в розетку и рванул его от души. В результате штепсель остался в розетке, а шнур оторвался. Опять же, как я теперь понимаю, папаню во время лекции капитально шарахнуло током.

Не знаю, почему – но меня смех разобрал. И я начал хохотать – уж больно разительно отличался папаня, ушибленный током от глубокомысленного лектора.

Батя смотрел на меня... ох, и взгляд у него был. Как в кино у Змея-Горыныча. Бить он меня не стал за неуместный смех. Но где-то с месяц на все мои финансовые просьбы папаня сворачивал здоровенный кукиш и говорил: «А вот теперь – я посмеюсь!»

История эта мне вспомнилась уже здесь, в Германии, когда меня перевезли на новую квартиру. Пришло время постирать кучу барахла. Загрузил я стиральную машину, включил ее, и занялся другими делами. Слышу – из ванной какие-то нездоровые звуки. Явно стиралка работает как-то не так. Пошел туда. Свят-свят! А машина стоит посреди здоровенной лужи. В которую мне пришлось наступить, чтобы выключить этот хренов агрегат. Наступил. Хорошо – одной только ногой.

Ох, и долбануло меня! Хотя никто надо мной не смеялся, но матерился я не хуже покойного папани. Потом малость очухался, полез на душевую кабину и оттуда сверху все выключил.

Только на третий день исследований нашел я внутри сти-

ралки отломанную во время перевозки пипочку, через которую и лилась вода. Забил в дырочку чопик, и стираю нормально до сих пор. Но, на всякий случай, шнур теперь в розетке не оставляю...

Собачья радость

Учился я тогда, по-моему, в пятом классе. А, может, в шестом. Ну, это не важно. Идем мы как-то с папаней, прогуливаемся вдоль Люблинского пруда. В те времена этот пруд был... действительно пруд. Имелся прекрасный пляж, лодочная станция, и зимой и летом рыбаки таскали из этого пруда всяческую рыбу. Когда я после армии зарулил... в «места боевой славы», то, глядя на вонючую лужу, заросшую какой-то зеленой плесенью, я брезгливо сплюнул, с тоской вздохнул и пошел пьянствовать в Кузьминский парк.

Да. Идем мы, стал быть, с папаней. И видим вдруг такую неаппетитную картину. Какой-то мужик привязал здорового дога его же поводком к дереву, и лупит дубиной.

Я, помню... меня затрясло. С детства упрасивал отца купить собаку. А он – ни в какую. Однажды объяснил: «Хорошая собака – это не игрушка. Она забот требует – не меньше, чем ты. Если не больше. У меня времени нет с ней заниматься. А тебе доверять – это пса угробить. Все. Свадьбы не будет».

И стоим мы с папаней, смотрим на избивание собаки. Батя глянул на меня, как меня трясет, сказал: «Не обращай внимания. Меня так же трясет, просто оно внутри. Стой, где стоишь». И подошел к тому мужику. Вырвал у него дубину и зашвырнул куда-то. Мужик попер на отца. Ну, батя у меня

был без всякого спорта дядя крепкий. Ну, и по роду службы знал, конечно, кой-чего. В общем, только ноги мужика в воздухе мелькнули. А батя стоял и кулак потирал. Что интересно – пес, пока его хозяин бил, он только скулил. А когда увидел, что хозяину по чану дали, стал рычать и кидаться на батю. А меня опять затрясло. На этот раз от гордости – во у меня какой папа!

В общем, мужик очухался. И рассказал совершенно бредовую историю. Жена его случайно вроде плеснула на дога кипятком из чайника. Тот ее слегка тяпнул за ногу. Жена в истерику – типа, либо собака в доме, либо я. Но мне осталось так и непонятным, за что мужик бил пса.

Не знаю, сколько батя заплатил мужику. Но собака стала жить у нас. И документы бывший хозяин принес на пса.

Звали дога – Барс. Ему тогда еще года не было, но здоровенный был. С ним в компании я безбоязненно ходил везде и в любое время. Даже маманя наша – уж на что собак не любила, а привязалась к Барсу. Постоянно меня гоняла: «Ну-ка! Веди Барса гулять! Видишь, ему побегать хочется».

Пока Барс у нас жил, в семье не было скандалов и ругани. Он сразу начинал метаться от одного к другому, и скулить. А когда все успокаивались, Барс прыгал на всех подряд – целоваться.

Но, к сожалению... Как мне потом собачники объясняли, доги и доберманы в домашних городских условиях – они очень нежные в медицинском смысле. Легко заболевают.

Умер наш Барсик. И батя сказал мне: «Больше о собаках и не заикайся».

«У любви, как у пташки крылья...»

Как я ее любил! Нет, как я ее люби-и-и-ил! Эта была такая красавица, что я натурально с ума сходил. Мы жили тогда в одном подъезде, и если утром мы встречались, и она мне улыбалась – потом я весь день ходил с придурковатой ухмылкой и тыкал вилкой мимо тарелки.

Любовь моя Галя была просто редкостной красавицей. Каждая грудь у нее была величиной где-то с мою голову. А ноги! Ноги были – ну, прям как у меня. Тоненькие, кривоногие, и коленки торчали, как дверные ручки в райкоме комсомола. Я еще, помню, удивлялся – как она с такими ножками ухитряется играть в волейбол? У меня вот ни хрена не получалось.

Из-за Гали я даже подружился с ее младшим братом Васей. На мой взгляд, Вася этот был тупой, как три валенка в упаковке. Но я тем не менее с ним дружил, чтобы иметь возможность почаще бывать у них дома.

У меня хватало ума не трогать клумбы в нашем дворе. Но во всех окрестностях я выкосил все лютики-цветочки, как стая саранчи. Галенька моя каждый раз хохотала при виде моих букетов, чмокала меня в щечку и совала цветочки в мусорное ведро.

А когда мы оставались с ней наедине... Уважаемые читатели! Если вам нет еще восемнадцати лет – покиньте поме-

щение, пожалуйста.

Наедине мы с Галей играли в подкидного дурака на щелбаны. Ах, как классно играла моя любовь! Жулила на каждом шагу, но я делал вид, что ничего не замечаю. Как истинный мужчина, я был готов на все для любимой женщины. Своей волейбольной ручкой она мне отвешивала такие щелбаны, что я имел на лбу перманентный синяк. Окружающие меня люди интересовались происхождением моей постоянной травмы, но я мудро объяснял все схватками с бандитами.

И вот – настал тот самый день. Решился я, наконец, сделать Гале предложение руки и моего истерзанного сердца. С пустыми руками идти было как-то неприлично, поэтому я нашел у своей старшей сестры единственный неначатый флакон духов «Красная Москва». Потом в соседнем квартале выискал нетронутую клумбу и ободрал ее.

Явился я к невесте элегантнй, как рояль. Дело было жарким летом, поэтому я был в майке. А отцовскую бабочку застегнул просто на шею.

При виде меня Галочка пришла в дикий восторг! Она даже поцеловала меня не в одну щеку, а в обе. Но, когда я преподнес ей духи, Галя внимательно посмотрела на меня, а потом высунулась в окно и завопила: «Таня-я-а-а!» Снизу раздался голос моей сестры: «Че, Галь?» Галя показала ей коробку: «Это не твои духи?» Минуты через две тишины раздался вопль сестры: «А как они к тебе попали?!!»

Короче, по жалобе сестры папаня меня отодрал ремнем. Приговаривая, как помню: «Свое дари! Свое дари! Бабник малолетний...»

Прижимая к распухшей заднице свинцовые примочки, выданные маманей, я как-то сразу Гальку разлюбил. И по утрам при виде ее, орал в окно: «Дура кривоногая!...»

Крабы как сексуальные партнеры

Когда я в первый раз прочитал «Двенадцать стульев», то для меня очередным жизненным идеалом и примером для подражания стал великолепный Остап Ибрагимович Бендер. Помнится, больше всего мне понравилось в великом комбинаторе то, что он любой житейский геморрой умудрялся развернуть так, что тот шел ему на пользу. (Поэтому я никогда не перечитывал финальную сцену на границе.)

Нынче же, поскрипывая суставами и костылями, я пришел к выводу, что родство душ с Бендером я учуял потому, что сам был с раннего детства жуликом и пройдохой. Иначе как можно было объяснить, что я в пионерском лагере пришел на кухню в столовой к шеф-повару Осипу Абрамовичу – его представили вновь приехавшим в лагерь пионерам на первой линейке – и сказал ему: «Осип Абрамович! Папа просил вам привет передать».

Лагерь был кегебешный, поэтому шеф-повар впал в растерянность: «А... извините, как фамилия вашего папы?» Я пожал плечами: «А такая же, как и у меня – Егоров». Осип Абрамыч растерялся еще больше: «Никак не вспомню, извините. Я вроде всех детей знаю – Семичастного... И дальше он посыпал фамилиями. А я свою роль доиграл классно. Психологически. Я развел руками: «Осип Абрамыч, мое дело – привет вам передать. Я папе скажу, что вы его не помните».

И пошел на выход. Боже ж мой! И здоровенный седой мужик побежал за мной, сопляком, начал извиняться, объяснять, что на нем, кроме трех лагерей, еще пять пансионатов для сотрудников комитета, и прочее, и прочее. С первого попавшегося противня повар схватил большой кусок пирога и преподнес его мне: «Вы приходите ко мне запросто. Если чего-то захочется, которого в меню нет!» (Кстати, таким пирогом пионеров не кормили.) Потом Осип Абрамыч вывел меня в зал, у всех на глазах похлопал по плечу, пожал руку и удалился.

С того дня я забил паровозный болт на распорядок дня. Ходил, куда хотел и когда хотел. Пионервожатые злобно на меня смотрели и мило улыбались – Осип Абрамыч имел о-очень весомый авторитет.

Ну, нельзя сказать, чтобы я уж особенно борзел. Чувство меры у меня, хоть и в своеобразном виде, но – было. Да. Быть-то оно было. Но иногда – подводило.

Был у нас в лагере молодой мужик. Вроде бы и не вожатый, вроде бы и не физрук какой-нибудь. Про него говорили, что он – балерун из Большого театра. В общем, хрен поймешь, кем он там был. Вспоминая его манеры и повадки, сейчас я бы с уверенностью мог сказать, что этот балерун был какой-то полупидор. Да и звали его – Альфред, едрена шишка. Почему – полу? Потому, что он дамам-пионервожатым покою не давал – всем подряд.

И вот однажды этот Альфред посмел начать приставать

к моей тогдашней любви – нашей вожатой Тамаре. (Она, правда, была не в курсе – что она моя любовь.) К моему первобытному возмущению, Тамара моя поддалась охмурению Альфреда.

Лирическое свидание у них проходило в ласковом полумраке южной ночи. Они пристроились в спасательной шлюпке, пришвартованной у волнореза. По которому я и прополз незаметно для воркующей пары. И не с пустыми руками.

Короче, высыпал я на этого гада и на коварную изменщицу корзину живых крабов. Как сейчас помню – вопли из шлюпки звучали для меня сладостной музыкой. Да, насчет чувства меры. Отказало оно мне тогда. Надо было дергать оттуда галопом, и обеспечивать себе алиби. Дык нет – мне захотелось хоть глазком глянуть. Подполз я к краю волнореза, и... наткнулся на какую-то железяку. Ойкнул, дернулся – и свалился сверху на сексуальных партнеров. Альфред окончательно охренел с перепугу и мощной балетной ножищей дал мне такого пинка, что я метра два пролетел по воздуху и погрузился... в Черное море.

Спасло меня от выгоняния из лагеря то, что после пинка у меня полноги было сине-фиолетовым. И то, что Осип Абрамыч ржал буквально до слез над этой историей. Оказывается, один из высыпанных мною крабов тоже с перепугу вцепился очень чувствительно в интересное место Альфреду. (Видимо, поэтому балерун так и разнервничался.)

В общем, заступился за меня шеф-повар, и меня оставили

в покое. А у пионеров я ходил в героях.

Как я был дедом Щукарем

Папаня мой относился к воспитанию нас – в смысле, троих своих детей – как-то... специфицики. Он не раз в моем присутствии говорил: «Человек должен расти сам! И не хрена ему голову морочить воспитанием всяким. Я вон сам рос, и ничего – вырос. Вот и они пусть сами разбираются. Спросят чего – расскажу. А сам не полезу. Если у пацана мозги правильно закручены, то и вырастет правильным мужиком. Слабых не обижать, сильных – не бояться. А на подлых самому быть подлым». Эти слова мне запомнились на всю жизнь.

Точно так же, как слова бати о начальстве. Он как-то сказал при мне: «Не брезговал бы я жопы лизать начальникам всяким, был бы сейчас на самой верхотуре. Но на хрен она мне нужна, эта сладкая жизнь, если во рту все время будет вкус чужой жопы!» Запомнил я это...

В седьмом, что ли, классе я тогда учился. Уже считал себя взрослым и все обо всем знающим.

Поехали мы однажды на Оку рыбачить – на нашем «Москвиче. Папаня, я и какой-то здоровенный дядька с отцовской работы. Звали этого мужика – Михаил Сергеич. И он мне сразу активно не понравился, потому, что всю дорогу ворчал на отца: «Не, Никитич! Это не машина. Это гроб какой-то на колесах. Надо было мою «Волгу» брать». А батя, к моему удивлению, беззлобно вроде отмахивался. (Уже потом я вы-

яснил, что этот мужик был начальником отдела, в котором работал папаня.)

Выехали мы из Москвы ночью, поэтому на Оку попали перед утренней зорькой. Быстро распаковались и Михал Сергеич распределил обязанности: «Никитич, мы с тобой расходимся. Ты давай свои донки ставь, а я блеснить пошел. А ты, папан, костерок разведи, и ершей натаскай, чем больше, тем лучше. Их тут полно, прямо у берега. И заварганим настоящую тройную уху». Это мне-то, взрослому человеку, какая-то посторонняя личность команды дает! Но – папаня молчал, и я свое возмущение припрятал на потом.

Ершей действительно было полно, и они хватали сразу. Но, стоило только чуть разинуть рот, ерш заглатывал крючок с червяком до самой... этой самой. И приходилось ему делать... мнэ-э... кесарево сечение.

Потихоньку рассветало. Батя на донки вытащил с десятков каких-то лещей-карасей весьма приличных размеров. А Михал Сергеич вернулся с двумя небольшими щучками. И опять начал гундеть – типа, река плохая, рыба мелкая, и вообще зря он сюда поехал.

В общем, допек он взрослого мужчину. Меня, то-бишь.

В процессе ершиной ловли я неудачно забросил удочку, и леска легла на кувшинки. Этим тут же воспользовалась толстая лягушка. Ням! – и оказалась на крючке. А я только-только перечитывал «Поднятую целину». Ну, думаю, Михал Сергеич...

А на рогульках над костром висели два котла – для ухи и для чая. Вот я в чайный котел и кинул лягушку. К общему сбору она сварилась, по-моему, и я ее притырил в сторонке.

Пока варилась тройная уха, батя с этим хмырем пили водку и закусывали всякой колбасой. Потом Михал Сергеич попробовал ложку ухи и сказал: «Говно, конечно. Самому надо было варить. Испортил, Никитич, твой спиногрыз уху. Ну, да хрен с ним. Уж чем богаты, тем и рады. Давай, наливай, кашевар хренов, чего расселся-то?»

Я с удовольствием вскочил, мило улыбнулся и стал наливать. В миску дорогого гостя в первую очередь положил притыренную лягушку. А уж потом куски рыбы и юшку.

Нда-а. Это надо было видеть. Разгоряченный водкой Михал Сергеич жрал все подряд. Но, видно, лягушка не совсем была готова. Она не разварилась, поэтому спец по ухе засунул ее в рот наполовину, а откусить не получилось. Он вывалил лягушачье тело обратно в миску, взгляделся – и такой мат загремел над тихими водами красавицы-Оки! И в этот мат очень органично вплетался громогласный хохот папани.

Сначала я, пуча совершенно честные глаза, клялся и божился – типа, не виноватый я, она сама пришла. Ну, потом уже дома я, конечно, признался отцу, и объяснил – в честь чего я подсунул его начальнику... вустрицу благородных кровей.

Батя покрутил головой: «Тяжело тебе в жизни придется...»

Одно слово – кино...

Старший мой брат Саша с детства занимался фотографией. У него был фотоаппарат «Смена-4». Помню, брат открывал маленький объективчик, показывал мне его на ладони и сокрушенно вздыхал: «Разве это оптика? Проглотишь, и не заметишь...»

Но, когда Саша принес домой газету «За советскую малолитражку» – это была многотиражка парторганизации Московского завода малолитражных автомобилей, который потом стал АЗЛК – короче, где «Москвичи» делали – так вот папаня наш долго разглядывал крошечное фото на последней полосе, где с трудом можно было разобрать какие-то березы. А потом спросил у Саши: «Тебе чего-нибудь надо для этого дела?» Брат встрепенулся: «Пап, мне бы аппарат, чтоб объектив был побольше. А то у „Смены“ слишком...» и он посыпал какими-то научными терминами. Папаня отмахнулся: «На дело никогда денег не надо жалеть. Побольше, говоришь? Будет тебе побольше».

В фотоаппаратах батя наш не разбирался. И он плясал от цены. Поэтому привез он брату «Старт». Этакая зеркалка со здоровенным объективом. Стоил этот аппарат ни много ни мало, а сто двадцать пять рублей! (В те времена у обычного инженера зарплата была – сто двадцать.)

Саша первое время, по-моему, спал со своим «Стартом»,

наглядеться на него не мог никак. А старенькая «Смена» отошла ко мне. Вот она и стала толчком к моему знакомству с кинематографией. Да-да! С ней.

Как-то наш класс побывал на ВДНХ. И я там две пленки извел. В голове у меня экспонометра не было, поэтому я даже сам удивился, когда Саша отпечатал фотографии. Очень все классно получилось – спасибо солнечному дню.

Завуч наш, Яков Семеныч Гольдберг – который позже кайф мне поломал с учительницей пения на рояле – долго разглядывал стенд с фото. И решил, что я должен стать штатным школьным фотографом. Летопись, стал быть, вести. Когда он изложил мне это комсомольское поручение, у меня заиграли извилины. И я заявил: «Фотография – это прошлый век! Надо снимать кино! Тогда про нашу школу по телевизору покажут!» Яков Семеныч сначала малость остолбенел, а потом проникся перспективами. Спросил: «И... что для этого надо?» Я сказал, что составлю список.

Короче, купили мне кинокамеру «Спорт» на батарейке, и запас пленки. Там получалась хитрая система – сама камера была восьмимиллиметровая. А пленка заряжалась – шестнадцать мм. То-есть, отснял свое, потом переворачивашь бобину – и вторую половину крутишь. Причем в инструкции было написано, что бобину можно переворачивать на свету, типа, ни кляпа не засветится.

Моя кинооператорская деятельность началась – и закончилась – со съемок праздника учителей по поводу получения

школой какой-то, не помню, грамоты почетной.

Все было очень красиво и внушительно. Представители гороно и районо вручали грамоту, а я с наглой мордой всех расталкивал и совал им в нос громко трещащую кинокамеру.

Потом гости уехали, а наши учителя перешли к неофициальной части. Только учительница химии попыталась меня выпихнуть. Но остальным в предвкушениях было уже все по барабану, а учитель труда вообще рявкнул: «Да и хрен с ним! Хай увековечит».

А мне пришла пора перевернуть бобину. Открыл я камеру, поддел катушку – и уронил. И она укатилась тихо-мирно, по пути сматывая с себя пленку. Помню, завуч так тупо на меня смотрел, что я сделал морду лопатой. Типа, не разбираетесь в кинематографе – нечего тогда и пялиться.

В общем, весь вечер я порожняком трещал камерой с зашвеченной пленкой. Бухие учителя мне позировали, танцы танцевали, обещали магнитофон мне купить, чтоб кино было со звуком. Бордель этот происходил в актовом зале, и я спрятался на сцене за кулисами – дух перевести. И наткнулся на учителя физкультуры Арнольда Константиныча и учительницу химии Светлану Викторовну, которая была... почти без ничего. Арнольд подтянул штаны и схватил меня за шкуру: «Что, сучонок? Снял кино?» И напрасно я пытался доказать ему, что камера трещит очень громко – я бы не смог ничего снять незаметно. Но у физкультурника, по ходу, дикая смесь эмоций не дала ему... здраво мыслить. Ну,

как же – во-первых, водки напился, во-вторых, кайф я ему обломал. Да еще без штанов в кинохронику попал.

Вырвал Арнольд у меня многострадальную кинокамеру – и разлетелась бедолага об стену на мелкие составные части. Сам я отделалась пинком.

Как я потом узнал, физкультурник получил выговор от парткома, и у него из зарплаты вычли стоимость кинокамеры. А ко мне до самого окончания школы ни одна душа не подходила с комсомольскими поручениями.

Ремень как средство формирования личности

Нда. Уж. Как-то с утречка ровнял свою бороденку. Естественно, в зеркало глядел. Размышлял. Ну и рожа у тебя, Егоров... Натуральный советский армейский кирзовый сапог третьего срока носки. А, чтоб не впасть в расстройство и депрессию, поспешил себя утешить: «А зато тебя вон скоко девок любило!» И тут же во избежание умственных взрывов переключился на другую тему.

Воистину, все возвращается на круги своя. Прошло пятьдесят пять лет – и опять я в Германии, костылями груши околачиваю. А был ведь когда-то первоклассником в четырехклассной школе при советском посольстве в ФРГ (ГДР тогда еще отдельно была). Вот жизнь была тогда! Уже в том возрасте я ухитрился столько косяков напороть. А расхлебывали их – папа с мамой. Не то, что сейчас...

Я не знаю, кто научил меня читать в пять лет. И почему никто не смотрел – какие книжки я читаю. Но в результате я чего-то развивался так шустро, что папаня меня, бывало, разглядывал с пристальным любопытством.

Уже в том возрасте я начал лезть туда, куда меня совсем не звали. Был в посольстве один сотрудник по имени Армен. Как я понимаю теперь, он был армянин. Потому, что на городошной площадке ему всегда говорили под руку: «Ну-ка,

Армен, давай по-еревански!» Этот дядька очень классно играл в городки, ловко вертелся на турнике и играл с нами, детьми, в футбол. Он мне очень нравился, поэтому, когда я подглядел, что красавица-жена Армена обнимается с посольским доктором, я тут же донес на нее мужу. Теперь я бы, конечно, вряд ли так поступил.

Ох, и скандал же был! Армену, как кавказскому человеку, ситуация не понравилась. И он с городошной битой носился по территории и что-то орал на непонятном языке пополам с понятным русским матом. Но жену его сердобольный женский коллектив где-то спрятал. А доктор успел сесть в машину и смыться.

Потом пришли посольские чекисты с моим папаней и утихомирили армянского Отеллу. Все пошли в бильярдную, где Армена накачали французским коньяком «Камю». И он притих на время.

Когда папаня мой не работал в своем вечно закрытом на ключ кабинете, я все время ходил за ним хвостом. Поэтому в бильярдной я тоже, на свою голову, присутствовал. Остальные взрослые меня терпели – с папаней, как я теперь понимаю, никто не хотел связываться.

И Армен, накачанный коньяком, меня узрел. Схватил за руку, обнял и заявил: «Вот один мой настоящий друг! Даже брат! Брат, как тебя зовут, а?» Батя мой не успел удивиться, как Армен выдал: «Вот благодаря кому я узнал, что моя жена – шлюха!» И он громко заскрежетал зубами.

Папаня сказал своим, чтобы присматривали за Арменом, взял меня за шкурку и отвел домой. Меня и допрашивать не пришлось – все мое нутро распирало от гордости. Ну, как же! Я на равных участвую во взрослой жизни! Меня называли другом и братом!

Отец, помню, так брезгливо сморщился, помолчал. Потом махнул рукой: «Снимай штаны». И офицерским ремнем выдрал меня так, как не драл даже за кражу денег с тарелок самообслуживания.

Представьте себе – дошло до меня. От тех пор и до сих – никогда больше не влезал в такие дела. И, что самое интересное – подействовал на меня не столько ремень, а то, как папаня, глядя на меня, брезгливо морщился. Типа, вроде он неожиданно в говно вляпался...

Куда упало яблоко от яблони

Не помню уже, когда я вычитал у Василия Макаровича – «Если хочешь быть мастером, макай свое перо в правду. Ничем другим больше не удивишь». А Шукшину я поверил сразу, после первого рассказа. Потому и перестал взвешивать-оценивать в башке – типа, это можно написать, а вот это – и грубовато, и антисоветчиной попахивает, и вообще – срамота какая-то. Стал писать о том, что было. И как оно было на самом деле. И как люди себя вели – которые не с плакатов и не из статей советских газет.

Это я к чему такую увертюру завернул? Да к тому, что невиноватый я. Оно само... так вышло.

Дело было в конце 60-х, в посольстве СССР в Финляндии. Папаня мой там работал, маманя была при нем, а я приехал туда на лето после окончания восьмого класса.

Жизнь в Хельсинки мало была похожа на заграницу. Выход из посольства, в отличие от ФРГ начала шестидесятых, был свободный, чуть не каждый второй встречный говорил по-русски. Так что я быстро насмотрелся всяких достопримечательностей. Жопа начала рваться на поиски приключений. Ну, было бы желание. А приключения – они всегда найдутся.

Был там у меня приятель Женя – постарше меня лет на пять – который тоже приехал на лето к родителям. И он

начал крутить всякие хухры-мухры с дочкой посольского садовника. Садовник этот был финн, и, что интересно – дочка тоже.

Вилла посла, где садовник приводил растительность к общему знаменателю, была недалеко от города, на берегу моря. Женя, пользуясь авторитетом отца, брал машину с шофером и каждый день ездил к своей Джульетте. Которую звали Ева. А, во избежание лишних разговоров в адрес своего отца, Женя уговорил меня ездить с ним. Типа, на рыбалку. Подпрягся я. На свою же, как обычно, голову.

Мы приезжали, нас усаживали за стол. Отец семейства шлялся по территории со своими комбайнами-косилками-копалками. Женя беседовал с Евой по-английски, а я – с ее мамой по-русски (она хорошо знала наш язык, потому что родом была из Гамбурга).

Потом Женька с Евой как-то незаметно пропадали в купырях, а я оставался с Ингрид – так звали маму дочки.

Ну, в общем, все кончилось кошмарным для меня потрясением. По ходу, свобода нравов уже тогда была в Европах. Ингрид поняла, что она не может ждать милостей от природы. И взяла инициативу на себя. Боже ж мой! Чего только ни творила со мной эта... совершенно распущенная особа!

В последующие дни я с утра разыскивал Женьку и сразу спрашивал: «А... сегодня на рыбалку поедем?» Женька ржал и с легким удивлением на меня поглядывал.

А кончилось все это безобразие тем, что я под хорошее

настроение подкатил к отцу с вопросом – насчет возможности интернационального брака. Батя набычился и потребовал конкретного изложения проблемы. Выслушал – и у него шея как-то в сторону поехала: «Нда-а... Что-то... рановато». Потом малость успокоился и сказал: «Домой тебе пора ехать. А с невестой твоей новоявленной – я разберусь».

А на следующий день папаня с утра пропал. К вечеру вернулся, на вопросы матери отвечал: «Срочные дела были по работе».

А мне батя, когда были одни, взъерошил волосы и как-то смущенно засмеялся: «Ну, вкус у тебя, прямо скажем – ничего. На такой бы и я женился...»

Служба в армии, или пивной кружкой по башке

В шестидесятых годах прошлого, я извиняюсь, века желающих откосить от армии тоже были. Но настолько редко попадались такие экземпляры, что мы на них смотрели, как на бегемотов в зоопарке. Типа, во какая хреновина уродилась.

Если у кого-то из одноклассников старшие братья приходили из армии, то они появлялись в школе в пилотках, фуражках и бескозырках. Остальные им жгуче завидовали – и я в том числе – и говорили: «Подумаешь, бескозырка! Давай, я тебе пугач дам пострелять, а ты мне – бескозырку поносить».

А потом... я свои обстоятельства сложил так, что пришлось мне попытаться стать бегемотом. В том смысле, что при поступлении на журфак МГУ у меня хватило духу только на вечернее отделение. И осенний призыв ласково помахивал мне рукой.

Не знаю, какие там подводные течения рояль сыграли. То ли папанина работа, то ли мой баскетбол, то ли старший брат, который уже был на третьем курсе журфака. Но добрые люди мне сказали: «Тебе надо только от этого призыва отбрыкаться. А потом тебя на дневное переведут».

И тут же мне подвернулся один крендель, который похлопал меня по плечу: «Не бзди, Боря! Знаю я одного специа-

листа – сто процентов гарантии. Он уже вон скоко народу насовсем от армии избавил. И берет недорого».

Ну, пришли мы с кренделем к этому специалисту. Как два нелегала – то в какое-то окно рукой помахать и в ладошки похлопать. То в дверь выстукивать какую-то хитрую дробь – хрен запомнишь.

Ладно. Мужик в белом халате. Прямо доктор натуральный. Вот только халат у него был до того чумазый, что я как-то начал сомневаться во всей этой авантюре.

Господи! А уж когда я узнал, что он собирается со мной творить – я нервно захрюкал и рванул оттуда галопом.

Технология избавления от армии у этого целителя была такая. Пивная кружка заворачивалась в полотенце. И этой самой кружкой дохтур стучал по башке клиенту – пятьсот раз! Не особо сильно, но целеустремленно. В результате на клиентской башке образовывалась здоровенная шишка-опухоль. Потом страдальцу скармливались какие-то пилюли, от которых он через полчаса начинал неудержимо блевать. Но к этому времени клиент уже был на улице – лежал где-нибудь в людном месте. Вызывали ему скорую, клиническая картина – натуральное сотрясение мозга. И все. Прощай, армия.

Крендель-посредник потом встретил меня и начал орать: «Ты меня подвел, это серьезный человек, у меня будут неприятности!» И отвязался от меня только тогда, когда я внятно ему пообещал устроить сотрясение мозга. И не после

пятистот ударов кружкой, а после одного удара кулаком.

Меня действительно успели перевести на дневное отделение до осеннего призыва. Но к весне я уже по завязку наелся советской журналистикой, сам пришел в военкомат и попросился в армию. Куда меня с удовольствием и забрали. Где я с удовольствием и отслужил два года.

Убивал бы я всех беременных...

В общаге посторонней личности жить, ясный пень, было запрещено. Но я надзирающих за порядком и обликом морале студентов суровых и непреклонных тетушек и бабусек взял просто на измор. После выгоняния меня в двери всегда находилась добрая душа, которая открывала мне окно. И, в конце концов, хранительницы очага при встрече со мной перестали орать: «Опять ты тута, дылда бесстыжая!». Они улыбались и спрашивали: «Боря, ты завтракал? Пойдем, я тебя хоть чайком напою. С пряниками...» Я, со своей стороны, тоже всегда был готов помочь хорошим людям. То выгнать из общаги возомнивших о себе хамов, то розетку починить, то встретить тетушку с дачи, груженую обильными дарами природы, и дотащить мешки с корнеплодами до дому. Круговорот, короче, душевных отношений в природе.

Ну, да ладно. Как-то вылез я в коридор. Состояние было, как обычно по утрам – мерзопакостное. Вчера было лучше, товарищи. Вчера было, товарищи, веселее. И гляжу – кто-то в длинном халате разлегся прямо на полу. Подошел. Это была Наташка с нашего факультета. Одна из жертв того самого кренделя, которого потом утопили в болоте под деревней Бородино.

Наташка лежала вверх большим уже животом, обхватив его руками. И сосредоточенно смотрела в потолок. Я про-

кашлялся: «Натали, привет. Ты че – рожать собралась?» Она ответила только на третий или четвертый раз: «Я... упала». Оказалась, эта фефела напялила какую-то обувь со шнурками. Завязать шнурки – ей живот мешал. Она плюнула, и пошла на кухню так. В результате наступила на шнурок и брякнулась. Потом лежала в полном перепуге – типа, не случилось ли чего нехорошего в животе.

Тихо-мирно поставил я Наташку в вертикаль и отвел в комнату. И, балбес, вместо того, чтобы идти искать, где и чем похмелиться, попер на кухню варить какую-то манную кашу для женщины, которая готовится стать матерью.

И вот вам пожалуйста. Стоит только наступить на горло собственной песне в чью-то пользу, как начинаются приятные неожиданности. Я помешивал кашку, а на кухню зашел знакомый грузин Ваха. Поздоровались. Разглядев, чем я занят, Ваха начал ржать. Я тут же стал оправдываться и рассказал про Наташку. Тогда Ваха свой смех прекратил, посмотрел на мою опухшую физиономию средневекового мученика и покачал головой. Ушел. Вернулся с полбутылкой чачи, куском чурчхелы и кульком изюма. Все положил-поставил на стол передо мной и сказал: «Изюм помой, и в кашу добавь. Изюм для ребенка – о-о-очень палэзный». Потом опять фыркнул: «Боря! Если будет сын – назови его – Вахтанг!» И убежал, пока я манную кашу ему на голову не одел.

Ну, домашняя чача – она и есть... домашняя чача. Градусов семьдесят крепости, а вкус – исключительный. Сразу

у меня и мозги на место встали, и руки перестали мимо кастрюльки промахиваться. Довел я блюдо до кондиции и принес Наташке. Убивал бы я всех беременных без суда и следствия! Заставить ее съесть маленькую тарелочку каши оказалось настолько сложно, что я даже употел от усердия. Она выковыривала изюм, а от манки нос воротила. Хорошо, я чачу потихоньку прихлебывал. У меня еще было. Какой же красноречивый я сделался – аж сам удивлялся. А сработал почему-то только один из моих аргументов. Когда я завопил: «Ты, лахудра! Ты что – хочешь, чтобы у тебя дочка кривоногая была?» Наташка дернулась, испуганно посмотрела на меня и моментом слопала всю кашу. В награду за послушание я отдал ей остаток чурчхелы.

А как я встречал Наташку из роддома – это уже другая история...

Жених, как неисправимая личность

По своей дурацкой натуре манной кашей с кавказским изюмом для беременной Наташки дело не ограничилось. Эта стадалица отмочила такую штуку, что я, когда до меня дошло, долго пыхтел и пукал. Слов найти – ну, никак не получалось.

Зашел я к ней как-то – типа, как дела. А она сидит, вся распухшая от слез. Оказалось, что она писала родителям в Сибирь про своего очаровательного жениха, с которым вот-вот они сыграют свадьбу. И совершенно неожиданно получила письмо, из которого узнала, что родители решили приехать. Типа, познакомиться с женихом, с его родителями, обсудить бюджет свадьбы и прочее.

Наталья вопила в полной растерянности: «Борька, я никак не думала, что они такое удумают! Они из нашей деревни до Омска доехать – и то решались раз в пять лет! А тут – на тебе! Я-то думала, рожу, а там им и деваться будет некуда...» Я в недоумении чесал у себя все, куда рука дотягивалась: «Ну? И чего теперь?» Наташка пристально на меня посмотрела, потом съехала аккуратно с кровати на пол и встала на колени: «Боренька! Выручи, а? Всю жизнь за тебя молиться буду!» Ну, я сразу учуял опасность. И не зря. Следующие слова Наташкины повергли меня в ступор. Она предложила мне сыграть для родителей роль жениха.

Когда я малость пришел в себя, я тоже начал орать. Типа, женихом выставляться, да еще папой чужого ребенка – это не манную кашу варить. С узиомом, едрена мать!

А в голове уже крутились варианты – типа, надо где-то приличную одежду раздобывать, деньгами разжиться и прочее.

Короче, ужас был сплошной, когда состоялась встреча на Эльбе. Привел я своих тестя и тещу в чужую квартиру, которую еле выпросил у приятеля, с которым были в свое время спарринг-партнерами. Квартира была богатая, поэтому прокатило мое объяснение – мои родители отсутствуют, так как они работают сейчас в советском посольстве в Индии. И что они приедут через полгода, вот тогда все и познакомятся прямо на свадьбе. Терять мне было нечего, поэтому врал я очень правдоподобно. Сибиряки даже поверили, как потом выяснилось.

Уехали Наташкины родители в полном спокойствии. А я до того в жениха перевоплотился, что иногда начинал подумывать – а, может, и правда на ней жениться? Но Наташка учуяла верхним чутьем мои брожения ума, и сразу все по местам расставила: «Борька, ты очень хороший друг. Но для мужа – мне этого мало. Ты в курсе, что есть еще такое понятие – любовь? А просто благодетель – он мне не нужен».

Плюнула, можно сказать, в самую душу. Поэтому из роддома я ее встречал в дымину пьяный. И врачи, которые шахрались от меня с перепугу, порекомендовали Наталье еще

раз как следует подумать. Стоит ли ей связывать свою жизнь и жизнь ребенка с такой явно неисправимой личностью...

Вот такое я хамло...

Я встретил ее, и все бывшее сразу и везде оживило. Наташка и в школе была красивой. Вдобавок она с малолетства плясала танцы народов СССР и стран Варшавского договора, поэтому фигурка у нее с детства была очень... аппетитная.

Столкнулись мы с Натальей спустя десять лет после выпускного – на Чистых прудах. Я только на днях вернулся из своих геологически-буровых пустынь, поэтому был при деньгах и в перманентном благообразии. Для начала я затащил Наталью в ресторанчик. Под шашлыки, купаты, коньяк и вкусное винишко поговорили для начала об жизни. Оказалось, что одноклассница моя уже который год работает моделью в каком-то московском агентстве. Поверить в это было нетрудно – внешне она не особо изменилась, но была ухожена безукоризненно даже на мой непросвещенный взгляд. Единственное, что меня раздражало – дык это скудность эмоций на ледяной маске, которая Наталье лицо заменяла. Даже коньяк ее почти не расшевелил.

По завершении трапезы Наталья сообщила мне, что ей пора домой. Я поплелся ее провожать. Жила она в каком-то буржуйском доме – квартира, как выяснилось, досталась ей после второго развода.

У подъезда подруга моя тормознулась и вполне прозрачно

заявила: «Ну, вот я и пришла. Спасибо, что проводил». А я смотрел на нее в промежутках между коньячными приливами и отливами, и думал: «Ну не может быть, чтобы та веселая плясунья усохла до такой степени!» Узнав, что она живет на пятом этаже, я ничего лучше не придумал, как наклониться, взять рукой пониже «таинственного сочетания фи́ле с персиком», положить ее животиком на плечо и войти в подъезд. Наталья что-то там невнятно сзади вопила, стучала меня кулачишками в районе поясницы. Но я целеустремленно шел вверх по лестнице. Что интересно – мне приходилось в свое время поднимать на горбу мешок с мукой – как раз на пятый этаж. Никакого удовольствия, и передышки на каждом этаже. А вот эдакий розанчик занес одним духом!

У двери в квартиру я вернул Наталью в вертикальное положение. Ледяная маска пропала, и мамзель пыхтела возмущением: «Егоров! Как был ты хамло, так и остался!» А я отдышался и в таком же светском тоне ответил: «Наташк! А иди ты в жопу! Дай мне пописать, и я пойду отсюда», У нее аж дыхание перехватило: «Что-о-о?! У меня что, туалет общественный?!» Я пожал плечами: «Ты уже поняла, что я хамло? Не пустишь внутрь – я тебе под дверь напузырю. У меня не заржавеет».

Наталья прострелила меня взглядом и полезла за ключами в сумочку.

Облегчившись, я вышел в прихожую, присел на какую-то тумбочку, поймал Наташку ра руку и подтянул к себе: «Слу-

шай, подруга! Это из-за твоей работы в тебе накопилось столько выпендрежа?» Она стукнула меня по плечу: «Пусти! При чем здесь работа? Я просто привыкла, что мужчины в моем присутствии ведут себя так, как я хочу!» Похоже, она еще хотела чего-то сказать... морально-устойчивое. Но не успела. Запечатлел я ей безешку на устах сахарных. С полминуты Наташка че-то мычала, чечеточку пыталась сбавать. А потом и утихла.

Утром, когда я провожал ее на работу, она дернула меня за рукав: «Борь! Ты мне можешь объяснить – что произошло? Почему я даже не сопротивлялась? Старая симпатия к тебе проснулась?» Я поцеловал ей руку: «Наташкин, насчет симпатии – не знаю. По-моему, тебе просто надоели дрессированные мужики. Когда ты знаешь наперед – что он скажет, что он сделает. Оно, конечно, спокойнее так жить. Но, по мне, уж очень скучно». И я тихонько подергал Наташку за ухо...

Быть единственной женщиной

Она меня за руки полюбила. А я ее – за то, что она была второй женщиной в моей жизни за двадцать с хвостиком лет. Или... третьей? Не помню. Да и хрен с ней. Главное, что я на ней хотел жениться. Как и на всех остальных женщинах, к которым я залезал в постель.

Ирина Дмитриевна была старше меня лет на пятнадцать. И относилась ко мне, как любовница и мама одновременно. Странное это было сочетание. Но в чем мне с ней повезло – так это в том, что я в самом начале моего ныряния по пучинам разврата встретился с женщиной, которой от меня ничего не надо было, кроме меня самого.

Про свои руки я вспомнил не зря. В редкие минуты отдыха Ира держала меня за руки, целовала их и обзывала чудом. «Ты только до меня дотрагиваешься ручищами своими – и я улетаю. И... приплываю». При ее красоте нудивительно было, что она пользовалась постоянным пристальным мужским вниманием. Но я не успел начать ревновать. Ира сразу мне сказала: «Пока я тебе не надоем, никого здесь и близко не будет. Я не ткачиха-многостаночница. Всех разогнала». А я, помню, лежал, и пыжился от самодовольства.

И вот как-то лежали мы с Ирой, отдыхая. Вдруг я совершенно случайно заметил, что у нее текут слезы. Я всполошился – что, да почему! А она вообще расквасилась. Я бе-

гом прошлепал на кухню, приволок стакан воды. Ира отпихнула этот стакан, взяла с прикроватной тумбочки начатую бутылку коньяка и капитально к ней приложилась. А потом уложила меня рядом с собой, запустила пальцы мне в шевелюру и выдала монолог: «Ну, почему тебе не сорок лет, а? Никому бы не отдала! Знаешь, почему я от тебя с ума схожу? Да потому, что я всем сердцем чувствую, что ты хочешь именно меня. Не просто симпатичную женщину, а именно – меня! Мужиков у меня было... достаточно. Но одни приходили, чтоб просто свою кочерыжку попарить. Другим что-то надо было от меня по работе, вот они и совмещали приятное с полезным. И ни одного не попалось, кто хотел бы именно меня! Меня, со всеми моими причудами и недостатками. А ты... Ты же не смотришь мне в рот, не стоишь по стойке смирно, как альфонсики стоят. Ты и баб на улице, когда гуляем – вполне с удовольствием разглядываешь. А меня это ни капли не раздражает. Потому, что я знаю – придем домой, и ты мне толком раздеться не дашь. Если бы ты знал – как дорого для женщины ощущение это – быть единственной для мужчины. И слушать это не ушами, а сердцем чують». Ну, я лежал малость остолбеневший. Как все, оказывается, сложно в этом мире.

И ничего лучшего я не придумал, как двадцать пятый раз сказать: «Ир, давай поженимся». Она фыркнула, подергала меня за волосы и укусила за плечо. Потом вздохнула, приложилась к коньяку еще разок и сказала: «Мальчишка ты,

и есть – мальчишка. Давай поспим, завтра мне рано вставать».

Императрица избрала меня

Любите ближних! Творите добро! И вообще! Как часто мне приходилось слышать и читать подобные призывы. А я вам так скажу. Темное это дело – добро творить. Сколько раз у меня по жизни бывало – сотворишь чего-нибудь эдакое... типа, доброе. А потом голову ломаешь. Не знаешь, как расхлебаться с последствиями... своего творения добра.

Шел как-то по улице. В моем молодом организме побулькивал в желудке и гулял по жилкам алкоголь разнообразных напитков. Это я к тому упомянул, что настроение у меня было – прекрасное. Хотелось сразу и везде коммунизм построить.

И гляжу – на скамейке сидит дама, похожая на портрет какой-то, не помню, императрицы, а вокруг – народ. Человек пять. И этот народ машет руками и что-то активно обсуждает. Я тормознулся. Присмотрелся.

Дама была явно где-то вдвое старше меня. Но красива – до обалдения. Она была, по ходу, из тех женщин, красота которых до самой старости никуда не пропадает. Типа, Элины Быстрицкой.

Дама сидела с закрытыми глазами, и запрокинув голову. Послушав рядом стоящих, я понял, что даме стало плохо, ей предложили вызвать скорую, она категорически отказалась. И люди стояли, друг у друга выясняли – что теперь делать?

Ну, я, как человек простой, подумал: «А кой хрен ее слушать-то? Может, она уже и туго соображает. Надо скорую». А императрица открыла глаза и повела взглядом. Остановилась на мне. Подняла руку: «Вот если бы этот молодой человек мне помог дойти до дома... Я недалеко здесь живу...» Ну, я прищелкнул каблуками: «Сочту за честь, сударыня!»

Правда, при всей ее красоте, ее глаза у меня вызвали какое-то нехорошее чувство. Они были... как у кошки, которая увидела за окном беспечную птичку. Ну, да хрен с ними, думаю, с глазами. Мне на ней не жениться...

Взяла дама меня под руку, прижалась боком. И пошли мы. По дороге она выяснила, как меня зовут, и представилась сама – Элеонора. Действительно, все оказалось рядом, минут через десять мы зашли в ее квартиру. Квартирка была буржуйская – с коврами, кистями и глазетом.

Не зря говорят – дома и стены помогают. Этой самой Элеоноре как-то резко полегчало. Она начала порхать по комнатам, собирать на стол. Честно сказать, я ни кляпа не понял сначала. Стал продвигаться к выходу. Размечтался! Дама схватила меня за руку и разразилась тирадой: «Если бы вы знали, как радостно у меня на душе! Ведь это такая нынче редкость – встретить человека, способного на бескорыстную помощь! Я вас очень прошу – не покидайте меня. Побудьте хоть немного!»

Я опять ни хрена не понял. Пять рыл вокруг нее стояло, помочь пытались. Что ж она их всех-то домой не потащила?

Но – уселся я все ж таки за стол. А когда налимонился ликера убойной крепости, на старые дрожжи меня растащило.

Просыпаюсь утром – лежу под каким-то балдахинном, подмышкой у меня Элеонора эта сопит.

А я с похмелья... мне только в НКВД работать. Поправился опять же ликерчиком, и устроил этой старой кошке допрос. Оказалось, она постоянно практикует этот фокус. Пользуясь своим внешним благородным обликом, «делают вид, что оне в обмороках», и из желающих помочь бабушке выбирает себе партнера помоложе. Ее не остановило даже то, что одна из беспечных птичек ее однажды частично обокрала. Стала просто все ценности прятать получше, и продолжила в том же духе.

С одной стороны, ничего для меня страшного не случилось. Напоили, накормили, спать уложили. А с другой... Ощущение, что меня обжулили и использовали – оч-чень неуютное. Поэтому, когда... мнэ-э... эта Элеонора, мать ее ити, прильнула ко мне: «Боря, когда ты придешь?», я бодро ответил: «Уж никак не позже понедельника. Я тут недалеко, на Садовой, где пожар».

Мораль сей басни такова: не понравились тебе сразу глаза у человека – вали от него подальше.

Оскорбил женщину – жди синяк под глазом

Когда-то, в доисторические времена, я жил в Советском Союзе на пятом этаже московской «хрущевки» в однокомнатной квартире. Одним из моих соседей по лестничной клетке был молодой таксист Витя. От остальных моих знакомых таксистов он отличался тем, что был малость на голову больной. Так вроде бы и на вид нормальный, и вел себя обычно... небуйно. Но – Витя почему-то был уверен, что его жена Оля – женщина редчайшей красоты. И что каждый московский мужик ночами не спит, а все думает – как бы Витино честное имя опозорить посредством склонения его жены ко грехопадению.

Ну... Один любит арбуз, другой – свиной хрящик. Это я к тому, что супруга Витина Оля была довольно-таки страшненькая мымра. На мой взгляд, конечно. Зато самооценка у нее была – ого-го! По ходу, не без мужниной помощи.

Когда я вселился и познакомился с соседями, Витя с Олей пригласили меня в гости. Муж, видимо, решил, что я уже старый, и опасности для семейного очага не представляю. А вот жена... Ну, ее можно понять. Сидела она целыми днями дома, смотрела телевизор и ждала возвращения мужа. От такой жизни... мнэ-э... действительно скучно станет.

Короче, посидели мы, водки попили, пельменей магазин-

ных поели. Я еще, помню, подумал: «Это что ж такая за жена, если она по жизни ни хрена не делает, а мужа полуфабрикатами кормит?» Ладно бы, романы с утра до вечера писала, или пятерых детей воспитывала. Ну, подумал и плюнул – мне-то кой хрен до нее?

Прошло после гостей несколько дней. Звонок в дверь. Открываю – Оля стоит. Нахально лыбится: «Боря, ты у меня был в гостях, а к себе не зовешь. Я ведь могу так и обидеться!» Я с перманентного бодуна соображал туго, поэтому ничего лучше не придумал, как спросить: «А... на хрена ты мне нужна-то?»

Кто знает, как сказать – Змей-Горыныч женского рода? Вот Оля моментом превратилась в такое... чудо-юдо. Из глаз искры посыпались, из ушей дым повалил. Потом она так резко повернулась, что сделала полный оборот. Опять меня увидела и окончательно рассвирепела. Своей квартирной дверью Оля грохнула так, что у меня бедолага-холодильник минуты две скулил каким-то странным голосом.

В общем, ни хрена я не понял, да и понимать-то не хотел – своих заморочек хватало. Ну, нашлись люди добрые. Объяснили.

В дверь мою не позвонили, а... подолбили. Весьма внушительно, похоже – ногами. И ясно был слышен возбужденный мужской галдеж. Ну, я в те годы был уже философ, типа, сначала надо узнать, что почем, а уж потом нервную систему напрягать. Открыл. Стоит таксист Витя, а с ним – еще чет-

веро таксистов (это я по фуражкам определил). Витя выдвинул, насколько смог, свою нижнюю челюсть и сказал с плохой дикцией: «Я тебя, сука, сейчас убивать буду! Козел старый!»

Вот что интересно. Сам я не из блатных. Так, типа, фраер приблатненный. И к обзывательствам в свой адрес относился, как правило, спокойно. Но на буровых наших всегда работал такой специфический контингент, что от них я твердо усвоил – за козла надо отвечать. Поэтому я, не особо раздумывая, двинул Вите коленом с разворота прямо в живот. А, когда он согнулся, я подпрыгнул, и другим коленом въехал ему под челюсть. Он вышел из игры.

Витины коллеги сначала явно засомневались – туда ли они попали. Но все ж таки корпоративный дух сделал свое дело, и они начали меня мутузить. Недельку где-то я сидел дома, потому как уж очень смачный бланш поймел под левым глазом. Но это был мой единственный трофей. Открылась еще одна дверь. На шум вышел Леха – бывший мент, ныне человек без определенных занятий и один из моих собутыльников. Леха был человек простой, и особо в тонкостях разбираться не любил. Ему было достаточно, что – «наших бьют!».

Ну, вдвоем-то мы быстро проводили таксопарк на пинках до первого этажа.

Опять поднялись к себе, затащили Витю ко мне. Пока он очухивался, я поил Леху какой-то бормотой, а сам разгляды-

вал свою быстро опухающую рожу.

В общем, допрос Вити с пристрастием показал – хоть и дикция у него совсем испортилась. Поступило Вите заявление от якобы потерпевшей гражданки Оли – она же жена. Ее сосед Боря, воспользовавшись отсутствием мужа, позвонил ей в дверь. А, когда она открыла, то этот самый Боря нагло вломился в квартиру и стал хватать ее руками за все места. И прекратил он свои хамские домогательства только после того, как потерпевшая дважды ударила его по голове чугунной сковородкой.

Воистину, хошь – плачь, хошь – смейся. Очную ставку устаивать я счел бессмысленным занятием. Сказал этому чекалдыкнутому идиоту, что он чудак на букву «м». И что на его жену даже верблюд за стог сена в голодный год – и то не польстится. А Леха размяк от бормотухи и окончательно Витю добил: «Если ты женился на б... ине, то и дудохай ее. Уж я-то знаю, до чего она слаба на передок».

Витя удалился, держась руками за стены. А я где-то через месяц уехал на Мангышлак...

«АН-2» – это вам не хухры-мухры

Самолет «АН-2» я впервые близко вживую увидел на Мангышлаке. Мы там по степям-пустыням бурили скважины для геологов. А к ним время от времени по разным надобностям прилетали такие самолеты. (Один раз появилась вертушка «МИ-8». Прокатился я на ней ради интереса вместе с гравитологами. Им надо было за короткое время в разных точках померить – как где шарик земной к себе всякую гадость, ползающую по нему, притягивает. Я сдурю вызвался помогать приборы таскать. Все проклял! Этот вертолетик – не знаю, какой модификации был. Внутри совсем пустой, сидушки только для летунов. А мы разместились на полу. Свят-свят, грохот оглушительный, трясет тебя, как... эту самую в этой самой. То курдюком треснешься, то от стенки до стенки летаешь. В общем, очень хреновым мне этот аппарат тогда показался...)

Нас, буровиков, самолеты интересовали в экономическом аспекте. Летуны тогда зачем-то скупали сайгачьи рога. Ну, как скупали – на водку меняли. А для нас обычно это было единственной возможностью разговеться в пустыне.

Первое мое знакомство с летучими предпринимателями кончилось конфузом. Я подошел к самолету с сигаретой в зубах. Летун завопил на меня матом и замахнулся планшетом. Ну, у нас народ на буровых работал, как правило, борзый.

И я в том числе. Так же матом ответил крикуну. И добавил: «Не съем я твой птеродактиль!» А летун стал объяснять, что самолетов, в отличие от буровиков, мало, и стоят они гораздо дороже, чем мы. Ну, тут уж я вообще весь на говно изошел, опять обругал его всячески и удалился в шатровую палатку, где мы ночевали. И укрепился в мнении, что летчики... мнэ-э... нехорошие люди.

Правда, потом это мнение поменялось, можно сказать, кардинально.

Как-то прилетел совсем другой экипаж. Ребята сели к нам за стол чаю попить. И один из них пристально стал на меня смотреть. Потом подошел и спросил: «Земеля, ты в Сасово бывал?» Я память напряг и вспомнил – бывал.

Ездил я туда, чтобы познакомиться с гипотетическим тестем. Невеста очередная меня туда повезла. Папа ее был преподавателем тамошнего учебного заведения гражданской авиации. Из знакомства ничего хорошего не вышло. Папа хотел, чтобы дочка вышла замуж за еврея. А я оказался не поймешь, кто. Во-первых, для меня было сюрпризом, что у невесты моей папа... не грек. А, во-вторых, я слишком увлекся за столом смешными анекдотами про евреев. Которые от них же, приятелей своих с журфака, и узнал. Несостоявшийся тесть после очередного анекдота правой рукой положил ложку мимо стола, а левой стал изображать какие-то непонятные фигуры: «Выйдите отсюда! И больше не заходите!» Во, думаю, номер... А дочка его хохотала и хлопала

в ладошки.

Долго я ходил по окрестностям, и спрашивал у всех подряд – где тут вокзал.

Оказалось, что я и у этого летчика Сергея – тоже дорогу спрашивал. Он там в то время учился. Когда я рассказал Сергею, зачем ездил в Сасово, он долго ржал. Потом объяснил причину веселья. После моего визита этого преподавателя-тестя все обходили стороной. Он лаялся, как цепной пес, и докапывался до всякой мелочи. Никому не давал спокойной жизни. А дочка его, кстати, после ублажения чуть не половины личного состава училища, потом вышла замуж за курсанта-якута и улетела с ним туда, в Якутию.

А как мне Серега однажды дал порулить своим самолетом – я промолчу. Чтоб тень не ронять... на гражданскую авиацию...

Обознатушки-перепрятушки

Какой вообще идиот выдумал, что утро вечера мудренее? Вот разве можно сравнить... как их там... а, мыслительные способности и коммуникабельность меня вечернего и меня утрешнего? Хрен там.

Вечером я был очаровательной душой компании. Кормил дам бутербродами с икрой и ломтиками кактуса. Вышибал поголовную слезу надрывным исполнением кучинской «Хрустальной вазы». А потом доводил всех опять же до поголовного хохота, разыскивая на присутствующих за столом сбежавшую от меня племенную мандавошку. Короче, все были в восторге. Это все, что я мог пока вспомнить.

А утром... утром я стонал в углу. Не, не болотной выпью. А как хомяк, на которого нечаянно наступили. Да и не в углу я был. А между стеной и диваном. Диван, кстати, был мне совершенно незнаком.

Поскреб я по сусекам своего изможденного организма, нашел пару-тройку калорий и выполз из-за дивана. Огляделся, насколько шея поворачивалась. Нда-а... И комната была мне незнакома.

Открылась дверь и вошло видение. Гений голой красоты. В одних только черных кружевных трусиках. Я обреченно закрыл глаза – опять белая горячка. Но через несколько секунд в уши мне засверлился пронзительный визг. Потом раз-

дался вопль: «Сереза!!! Тут какой-то мужик!!!»

Потом был разнообразный топот, какое-то негромкое бормотание. И меня ткнули в живот чем-то твердым и холодным. Я разожмурился. Надо мной стоял мужик в трусах, весьма приличных габаритов. В руках у него была курковая двустволка калибра эдак двенадцатого. И морда была весьма сердитая. Мужик мотнул башкой: «Слышь! Ты че тут делаешь?» Я просипел: «А ты не видишь, мля? Лежу... мля...» Да, в уме мужику не откажешь. Он спросил: «А какого... ты тут лежишь?»

Больному человеку задавать такие идиотские вопросы! Естественно, я ответил: «Да пошел ты! Я бы и сам хотел узнать... какого я тут лежу».

Мне вообще редко по жизни попадались красавицы, имеющие нормальную соображалку. А тут повезло. Подружка мужика – уже в спортивном костюмчике – взялась очаровательной ручкой за стволы и отвела их от моего живота: «Слушайте, дяденька! Это не вы у нас вчера с балкона кактус украли, а?» Я покряхтел: «Лапушка, спроси чего-нибудь попроще...»

Короче, расстрел мой отменили, привели на кухню, дали пива. А потом Ира-мозговой центр ходила к соседям, и появился мой кент Мишка. Он сразу обозвал меня всячески: «Тебя, рожа, полночи искали! Думали, что ты с балкона упал. И ментам, и в больницы звонили».

В общем, потихоньку разобрались. Оказывается, на ис-

ходе гулянки какой-то идиот впал в детство. (Судя по всему, это я и был.) И предложил он честной компании играть в прятки. Типа, кого не найдут – тому бутылка коньяка. А у меня хватило ума перелезть в процессе игры на соседний балкон – где я уже успел спереть кактус – и спрятаться там. Видимо, сначала задремал, потом замерз, и перепрятался в комнату. Чужую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.